

Дежак Жозеф. О человеке мужском и женском (письмо Прудону)

Французский анархист Жозеф Дежак (1821-1864), имя которого не пользуется такой известностью, как имена Прудона, Бакунина или Кропоткина, был, возможно, первым, кто последовательно высказал идеи анархистской версии коммунизма. Дежак сделал это в довольно-таки резком письме Прудону "О человеке мужском и женском". Основная идея письма - равенство полов, мужчины и женщины. Письмо написано в мае 1857 года. Перевод на русский: В. Дамье

- [Дежак Жозеф. О человеке мужском и женском. \(Письмо Прудону\)](#)

Дежак Жозеф. О человеке мужском и женском. (Письмо Прудону)

Что есть мужчина? Ничто. – Что есть женщина? Ничто. – Что есть человек: ВСЕ!

В глубинах Луизианы, куда меня депортировали приливы и отливы изгнания, я прочитал в одной из американских газет, "Ревю де ль`Эст" фрагмент переписки между вами, П.-Ж. Прудон, и мадам д`Эрикур.

Несколько слов мадам д`Эрикур, приведенные в газете, заставляют меня бояться, что у этой женщины-оппонента не хватит сил – полемически выражаясь – бороться с ее жестоким противником-мужчиной.

Я ничего не знаю ни о мадам д`Эрикур, ни о ее работах, если она что-то написала, ни о ее положении в мире, ни о ее личности. Но чтобы хорошо аргументировать, как женщине, так и мужчине, не хватит одного лишь духа: надо многое повидать и много размышлять. Нужно, я думаю, ощутить те личные страсти, что сталкиваются во всех уголках общества – от пещер нищеты до вершин процветания, от покрытых серебром пиков, откуда твердой массой низвергается лавина счастливого порока, до самого дна оврагов, где вращается болезненный разврат. Так логика, эта искра истины, смогла бы ударить, пульсируя, ключом из этой человеческой скалы.

Я хотел бы увидеть, как об этом вопросе эмансипации женщины говорит женщина, которая много и по-разному любила и которая в своей прошлой жизни принадлежала к аристократии и к пролетариату, – прежде всего, к пролетариату, потому что женщина из мансарды куда более способна проникнуть взглядом и мыслью в недра официальной или тайной роскошной жизни большой дамы, нежели женщина из салона заглянуть в полную лишений жизнь – очевидную или скрытую – дочери народа.

Тем не менее, в отсутствие этой другой Магдалины, бросающей щедрые розы своего сердца к ногам человечества, распятого и устремляющего душу свою к лучшему миру; в отсутствие этого голоса раскаявшейся цивилизованной женщины, верующей в Гармонии, анархической дочери; в отсутствие такой женщины, громко и публично отрекшейся от всех предрассудков пола и расы, законов и нравов, которые все еще связывают нас с миром прошлого – ладно, пусть! – я, человек мужского пола, попытаюсь поговорить с вами и против вас, Алиборон-Прудон (1), об этом вопросе эмансипации женщины, который есть ни что иное как вопрос эмансипации человека обоих полов.

Как вообще возможно, известный публицист, что под вашей львиной шкурой скрыто столько ослиной глупости?

Вы, в чьих жилах так сильно стучится кровь за всех, кто в нашем обществе имеет отношение к труду рук и желудка, – вы питаете ничуть не меньшую страсть, но со всей реакционной глупостью, в отношении тех, кто трудится сердцем, к тяжким труженикам чувства. Ваша нервная и жесткая логика в вопросах промышленного производства и потребления оказывается не более чем хрупкой, бессильной тростинкой в вопросах производства и потребления этики. Ваш интеллект, смелый, целостный во всем, когда речь идет о мужчине, становится как бы кастрированным, как только дело доходит до женщин. Мозг-гермафродит, ваше мышление обладает чудовищной двуполостью в одной черепной коробке, заключая в себе одновременно пол-свет и пол-тьму и тщетно вращаясь и вихрясь вокруг себя самого, не в силах породить на свет социальную истину.

Как у Жанны д'Арк мужского пола, которая, как утверждают, в течение сорока лет сохраняла нетронутой свою девственность, умерщвление любви сгноило ваше сердце; в нем сочатся ревнивые обиды; вы вопите: "Война женщинам!", как Орлеанская дева кричала "Война англичанам!" -- Англичане сожгли ее живьем... Женщины сделали из вас мужа, о святой человек, долголетний девственник и вечный мученик!

Смотрите, папаша Прудон, вы хотите, чтобы я вам это сказал: Когда вы говорите о женщинах, вы напоминаете мне школьника, который болтает об этом громко и резко, вдоль и поперек, нахально изображая из себя знатока, но который, как и его подростковая аудитория, ровным счетом ничего об этом не знает?

После сорока лет осквернения своей плоти в одиночестве, вы пришли, от одной поллюции к другой, к публичному осквернению своего интеллекта, вымучиванию в нем нечистот и забрызгиванию грязью женщин.

Это именно то, Нарцисс-Прудон, что вы называете мужественной и честной вежливостью?

Я цитирую ваши слова:

"Нет, мадам, вы ничего не знаете о вашем поле. Вы не знаете первого слова вопроса, который вы и ваши почтенные соратницы сотрясают с таким шумом и без малейшего успеха. И если вы не понимаете его, этого вопроса, если на восьми страницах ответов, которые вы прислали на мое письмо, встречаются 40 заблуждений, это указывает, как я вам и говорил, на ваше сексуальное уродство. Я понимаю под этим словом, чья точность, пожалуй, не идеальна, качество вашего ума, который не позволяет вам ухватить связь вещей, что мы, мужчины, сделали бы щелчком пальца. У вас, как в мозгу, так и внутри, орган, сам по себе неспособный победить свою врожденную инерцию и функционировать который может заставить лишь мужской дух, да и это удастся далеко не всегда. Таков, мадам, результат моих прямых и положительных наблюдений: я вверяю его вашей акушерской проницательности и предоставляю вам рассчитать для вашего тезиса неисчислимы следствия".

Но – старый кабан-нелюдим, который есть ни что иное как свинья – если это правда, как вы говорите, что женщина не может рожать из головы и из нутра без помощи мужчины (и это правда), то правда в том, что верно и обратное: что мужчина не может производить ни плотью, ни разумом без помощи женщины. Это простая логика и здравый смысл, мэтр-Мадлон-Прудон, которые ученик, также бывший всегда непослушным объектом, вполне может вырвать у вас из рук и бросить вам в лицо.

Эмансипация или не-эмансипация женщины, эмансипация или не-эмансипация мужчины – что тут можно сказать? Что, конечно же, могут быть права для одного, которые не являются правами для другого? Что человек не является человеком, как во множественном, так и в единственном числе, как в женском, так и в мужском обличье? Что проведение полового раскола изменяет природу? И становятся ли капли дождя, падающие из тучи, в меньшей или большей мере каплями дождя, в зависимости от того, пересекают ли они воздух в меньшем или большем количестве, от того, какие размеры имеет их форма, является ли их конфигурация мужской или женской?

Ставить вопрос эмансипации женщин в соответствии с вопросом эмансипации пролетария, этого мужчины-женщины, или, говоря по-иному, этого мужчины-раба – плоти из гарема или плоти из мастерской – это понятно, и это революционно. Но делать это ввиду и в подчинении привилегии-мужчине, о! С точки зрения социального прогресса, это лишено смысла, это реакционно. Чтобы избежать любой двусмысленности, говорить следует об эмансипации человека. В таких терминах вопрос завершен; поставить его – уже значит его решить: человек в его повседневных вращениях тяготеет, от одной революции к другой, к своему идеалу совершенства, Свободе.

Но мужчина и женщина, идущие одним шагом и одним сердцем, соединенные и укрепленные любовью, к своим естественным целям, к анархическому сообществу; но разрушение всяких деспотизмов и выравнивание всякого социального неравенства; но мужчина и женщина, вступающие таким образом – рука об руку и склонившись лицом друг к другу – в социальный сад Гармонии; но эта группа людей, реализованный сон счастья, живая картина будущего; но все звуки и эгалитарные сияния болью отдаются в ваших ушах и заставляют вас зажмуривать глаза. Ваш разум, страдающий от мелкого тщеславия, побуждает вас узреть в будущем мужчину-статую, который возвышается на пьедестале-женщине, как в прошлом мужчина-патриарх возвышался над женщиной-служгой.

Писатель-гонитель женщин, покорный служитель абсолютного мужчины, Прудон-Эно (2), избравший своим словом кнут, как хорватский палач, вы, кажется, наслаждаетесь всей похотью вожделения, раздевая своих прекрасных жертв на бумаге казни и бичуя их своими поношениями. Анархист наполовину, либеральный, а не **ЛИБЕРТАРНЫЙ**, вы хотите свободного обмена для хлопка и свечей и проповедуете протекционизм мужчины против женщины, в обращении человеческих страстей; вы вопиете против верховных баронов капитала и хотите восстановить сюзеренитет мужчины над вассалом-женщиной; логик в очках, вы рассматриваете мужчину под увеличительным стеклом, а женщину – под уменьшительным; мыслитель, мучимый близорукостью, вы не в состоянии различить то, что бросается вам в глаза сегодня или бросалось в прошлом, и тем более не можете обнаружить то, что находится на высоте или на расстоянии, то есть перспективы будущего: больной

урод – это вы!

Женщина, да будет вам известно, это двигатель мужчины, равно как и мужчина – двигатель женщины. Нет ни одной идеи в вашем деформированном мозгу и в мозгах других мужчин, которая бы не была оплодотворена женщиной, ни одного действия ваших рук или вашего разума, которое не имело бы в виду обратить на себя внимание женщины, понравиться ей, даже если все кажется очень далеким от этого, даже ваши оскорбления. Все, что мужчина сделал красивого, все, что мужчина сделал великого, все шедевры искусства и индустрии, открытия науки, титанические устремления мужчины к неизведанному, все завоевания, равно как и все устремления гения мужчины делаются благодаря женщине, которая побуждает его к этому, его, рыцаря, как королева на турнире, в обмен на бант или милую улыбку. Весь героизм мужчины, все его физические и моральные силы проистекают от этой любви. Без женщины он бы все еще по-прежнему ползал на животе или на ходил на четырех ногах; он все еще питался бы травой и кореньями; он походил бы разумом на быка, на скотину; он ничем бы не превосходил их, если бы женщина не сказала ему: будь! Это его желание ее создало его таким, каким он является сегодня, и для того, чтобы удовлетворить возвышенные требования женской души он пытался совершить самые возвышенные вещи!

Вот что женщина сделала из мужчины; теперь давайте посмотрим, что мужчина сделал из женщины.

Увы! чтобы угодить своему сеньору и господину, ей не нужны были большие расходы интеллектуальных и моральных сил. Достаточно было того, чтобы она копировала обезьяну с ее гримасами и жестами; чтобы она вешала себе на шею и уши стеклянные шарики или безделушки; чтобы она надевала смешные тряпки и с помощью кринолина или корсета делала себе бедра матери-гусыни или готтентотской Венеры; чтобы она умела держать веер или обращаться с шумовкой; чтобы она посвящала себя игре на фортепиано или варке в котле, – это было все, чего ее султан от нее требовал, все, что требовалось, чтобы привести мужскую душу в ликование, альфа и омега желаний и надежд мужчины. Делая это, женщина завоевала свое маленькое место.

Тех, кто, находя такую роль и такой успех позорными, хотел проявить хороший вкус и изящество, примкнуть к достоинствам красоты, засвидетельствовать свое сердце и свой разум, – тех безжалостно закидывала камнями толпа прошлых и нынешних Прудонов; их преследовали именем "синий чулок" или каким-либо иным дурацким сарказмом и вынуждали отказываться от самих себя. Для этой толпы бездушных и невежественных мужчин такая женщина согрешила, проявив слишком много сердца и ума: они бросают в нее камни, и очень редко бывало ей дано встретить такой тип мужчины, который, взяв ее за руку, сказал бы ей: женщина, встаньте, вы достойны любви и достойны Свободы.

Нет, то, что нужно мужчине, то есть тому, кто присвоил себе это имя, – это не женщина во всей ее физической и нравственной красоте, женщина элегантная и артистичная, с лицом, окруженным ореолом доброты и любви, с деятельным и нежным сердцем, с мыслями, полными энтузиазма, душой, наполненной идеалом поэзии и гуманизма; нет, то, что нужно этому глупому ротозею, ярмарочному бегуну – это восковая фигура, украшенная блестками и перьями; то, что нужно этому гурману от зоофилии, приходящему в экстаз от мясного

прилавка, – это целая площадь лиц, украшенных кружевами! Насытившись мужчиной, которого она находит столь глупым, измученная тем, в ком она тщетно пытается обнаружить хоть какой-то орган чувств, женщина – так гласит история, и я хочу верить, что это сказка, басня. Библия – женщина – о! закройте, зажмурьте глаза и замкните мысли – женщина могла бы убежать от двуногого к четвероногому... Год за годом, после всего этого, она естественно пленялась зверем все большего калибра. Пока, наконец, если природа наделяла ее слишком твердыми моральными качествами, чтобы переносить воздержание, она отворачивалась от Человечества и шла искать пищу для страстных стремлений своей души в храмах суеверия, в религиозных абберациях духа и сердца. В отсутствие мужчины ее мечты, она дарил свои любовные чувства воображаемому богу, и, ощущения ради, осла заменял священник!

Ах! если в мире есть столько униженных существ женского пола и так мало женщин, откуда же взяться мужчинам? Данден-Прудон, на что вы жалуетесь? Вы этого хотели...

И все же вы, вы лично – я это признаю – нанесли великолепные грозные удары на службе Революции. Вы глубоко, до самой сердцевины, разрубили вековое древо собственности и дали далеко разлететься осколкам; вы сняли с него кору и выставили его наготу взглядам пролетариев; вы ломали и отбрасывали на своем пути, как сухие сучья или опавшие листья, беспомощные авторитарные отростки, обновленные греческие теории конституционных социалистов, включая ваши собственные; вы снесли за собой в походе по извилинам будущего всю свору физических и духовных желаний. Вы прошли долгий путь, вы дали пройти его другим; вы устали и хотите отдохнуть; но глас логики обязывает вас продолжать ваши революционные заключения, идти вперед, все время вперед, рискуя, пренебрегая роковым предупреждением, ощутить, как вас рвут клыки тех, у кого есть ноги.

Будьте же действительно, в полной мере анархистом, а не анархистом на четверть, на одну восьмую или шестнадцатую, как бывают на четверть, восьмую или шестнадцатую сторонником перемен. Идите вперед, до полной отмены контракта, до отмены не только меча и капитала, но собственности и власти в любой форме. Придите к анархическому сообществу, то есть такому состоянию общества, где каждый будет свободен производить и потреблять по своему желанию и сообразно с собственной фантазией, не осуществляя никакого контроля и не подвергаясь никакому контролю, ни в отношении кого-либо ни со стороны кого-либо еще; где равновесие между производством и потреблением устанавливается естественным образом, не посредством предварительного и произвольного удержания в чьих бы то ни было руках, но путем свободного движения сил и потребностей каждого. Человеческие волны не подлежат вашим дамбам; дайте приливам приходить свободно: разве они ежедневно не достигают своего уровня? Разве мне нужны, к примеру, собственное солнце для меня одного, собственная атмосфера, собственная река для меня одного, лес только для меня, все дома и все улицы города для меня одного? Имею ли я право быть исключительным обладателем, собственником, лишая этого всех остальных, даже без личной выгоды для меня? И если у меня нет такого права, есть ли у меня больше разумных оснований для того, чтобы желать, как это имеет место при системе контрактов, отмерять каждому – по его случайным производственным возможностям – сколько тот должен получить от всех этих вещей? Сколько он должен потребить солнечных лучей, кубических метров воздуха или воды или квадратных метров прогулки в лесу? Какое

количество домов или какую часть дома он имеет право занимать; по какому числу улиц или бульвариков мостовой ему разрешается ходить и на какое количество ему наступать нельзя? Разве – с контрактом или без – я смогу потребить больше вещей, чем допускает моя природа или мой темперамент? Могу ли я индивидуально поглотить все солнечные лучи, весь воздух в атмосфере, всю воду в реке? Могу ли я вторгнуться и наполнить собой все уголки леса, все улицы города и все бульварики улицы, все дома в городе и все квартиры в доме? И разве не то же самое относится ко всякому человеческому потреблению, будь то природный продукт, как воздух или солнце, или изготовленный продукт, как улица или дом? Зачем нужен контракт, который ничего не может добавить к моей свободе, но может посягнуть и, безусловно, посягнет на нее?

А теперь, в том, что касается производства, разве принцип активности, содержащийся во мне, будет более развит от того, что его подавлять и ограничивать его барьерами? Было бы абсурдом придерживаться подобного тезиса. Человек, именуемый свободным в современных обществах, пролетарий, производит куда лучше и больше, чем человек, называемый негром, раб. Что было бы, если бы он был на самом деле и полностью свободен? Производство выросло бы во сто крат. – А ленивый, скажете вы? Ленивцы – это ненормальные инцидент наших обществ, иными словами, праздность – достояние тех, кто в чести, а труд – удел презираемых. Не удивительно, что люди избегают тяжкого труда, который несет им лишь горькие плоды. Но при состоянии анархического сообщества и при том развитии науки, который достигнут в наши дни, ничего подобного не будет. Конечно, как и сейчас, будут те, кто станут производить медленнее, чем другие, но зато они и потреблять будут медленнее. Люди, производящие живее, чем другие, и потребляют живее: такое выравнивание достигается естественным образом. Вам нужны доказательства? Возьмите наугад сотню среди работников, и вы увидите, что больше потребляют те, кто больше и производит. – Как может быть такое, что человек, чей организм состоит из множества ценных инструментов и от использования которых он получает массу удовольствия, инструмент рук, сердца, ума, – как же он добровольно захочет оставить их ржаветь без дела? Что? При состоянии свободной природы, промышленных и научных чудес, при состоянии анархической экспансивности, когда все будет напоминать ему о движении, а движение – о жизни? Что? Человек сможет обрести счастье только в дурацкой неподвижности? Так нет же! Возможно как раз обратное.

На этой почве истинной анархии, абсолютной свободы, несомненно, будет царить такое же разнообразие между людьми, сколько людей будет в обществе, разнообразие по возрасту, полу, навыкам: равенство не есть единообразие. И именно это разнообразие всех живых существ и всех моментов как раз и делает любое правительство, конституцию или контракт невозможными. Как можно принимать обязательства на год, на день, на час, если через час, день, год человек станет думать совершенно иначе, чем в тот момент, когда он дает обязательство? – При радикальной анархии, конечно, будут женщины и мужчины, обладающие большей или меньшей силой; будут дети и будут старики; но все они от этого не становятся в меньшей степени людьми и будут полностью и совершенно свободными вращаться в естественном круговороте своих влечений, свободные потреблять и производить, как они того пожелают, без того, чтобы их принуждала к этому какая-либо власть отца, мужа или правительства, какая-либо регламентация законом или контрактом.

Что же касается Общества – и вы должны понять это, вы, анархист, который гордится своей логикой – то что вы там говорили про сексуальное уродство женщин или мужчин у людей?

Послушайте, учитель Прудон, не говорите о женщине, или, прежде чем говорить о ней, изучите её; сходите в школу. Не называйте себя анархистом или уж будьте анархистом до конца. Рассказывайте нам, если вам угодно, о неизвестном и известном, о том, что бог есть зло, а собственность – это кража. Но когда вы говорите нам о мужчине, не изображайте его аристократическим божеством, ибо я отвечу вам: мужчина – это зло! – Не приписывайте ему капитал интеллекта, который принадлежит ему только ему по праву завоевания, благодаря торговле любовью, ростовщическому богатству, которое он целиком получает от женщины, которое является продуктом его хозяйничанья над ней, ибо я вам отвечу: собственность – это кража!

Напротив, возвысьте свой голос против этой эксплуатации женщины мужчиной. Поведайте миру, с той самой силой аргументации, которая сделала из вас атлета-агитатора, скажите ему, что мужчина сможет вытащить Революцию из грязи, вытащить его из-под грязных и окровавленных колес только с помощью женщины; что он один бессилен; что он должен опереться на сердце и лицо женщины; что по дороге социального Прогресса они должны идти вместе, бок о бок и рука об руку; что мужчина не сможет достичь цели, преодолевая тяготы путешествия, если его не будут поддерживать и укреплять взгляды и ласки женщины. Скажите мужчине и скажите женщине, что их судьбы – в сближении и взаимопонимании; что они суть одно, и даже имя им одно и то же – человек; что они, каждый и одновременно, – это правая и левая рука, и что в человеческой идентичности их сердца могут составить лишь одно сердце, а их мысли – один клубок мыслей. Скажите им еще, что только при этом условии они смогут освещать лучами друг друга, пронзая в своем светящемся марше тени, что отделяют настоящего от будущего, цивилизованное общество – от общества гармоничного. Скажите им, наконец, что человек – со своими пропорциями и сравнительными проявлениями – человек как горящий светлячок: он светит только от любви и для любви!

Скажите так: Будьте сильнее, чем ваши слабости, щедрее, чем ваши обиды; провозгласите свободу, равенство, братство, неделимость человеческого существа. Скажите так: в этом общественное спасение. Объявите человечество в опасности; призовите массы мужчин и женщин отвергнуть захватнические предрассудки в социальных границах; поднимите 2 и 3 сентября (3) против этой мужской знати, этой аристократии пола, которая жаждет вернуть нас к старому режиму. Скажите так: так надо! Скажите это со всей страстью, со всем гением, отлейте это в бронзе, заставьте это прогреметь... и это сделает честь и другим, и вам самим.